Александровскіе кадеты. Том 2

Автор:
Ник Перумов

Александровскіе кадеты. Том 2

Ник Перумов

Кадеты Александровского кадетского корпуса случайно обнаруживают в подвале странный аппарат и на два дня попадают из своего 1908 года в 1972-й, из своей реальности – в нашу. Теперь им, чтобы понять своё настоящее, придётся разобраться в чужом будущем, а ещё выследить тех, кто хозяйничает в их времени и мире как у себя дома. Потому что спустя шесть лет, когда империю захлестнёт революция, им нужно сделать собственный – для каждого из них нелёгкий – выбор. Их ждут военные игры и рождественский бал, старинные подземелья и улицы Ленинграда, погони по крышам и летящий сквозь ночь бронепоезд, красные знамёна… и золотые погоны с императорским вензелем…

Глава IX

Декабрь 1908 года, Гатчино

Воскресенье тянулось медленно и томительно. С самого утра всё валилось из рук. Федя засел было за уроки и даже что-то выучил – но проклятые мысли сразу же выбрались на поверхность, словно крысы из подвала, стоило ему отложить учебник.

Что делать? Сказать? Не сказать? Что будет с папиной службой, если его начальство узнает: на квартире полковника Генерального штаба собираются инсургенты? Уволят ведь, с позором, без мундира и пенсиона. И его, Федю, наверняка вышибут из корпуса, и тоже с позором. Что тогда с ними будет, с мамой, с Надей?.. Да и с той же глупой Веркой? Что, если её посадят в тюрьму? Сошлют в каторжные работы?

А не сказать – как не сказать?! Он же кадет, александровский кадет! У него на плечах государев вензель! Он портрету государя салютует, всякий раз мимо него пробегая! И – промолчать?!

В отчаянии Федя отложил книжки. Взгляд его упал на совершенно позабытый за всем этим томик «Кракена». Роскошная обложка, золотое тиснение, тонкие гравюры… ничто из этого сейчас не радовало. Ужасно далёкими вдруг сделались солнечные Карибы, тугие паруса и всё прочее.

Что делать? Куда идти? Кому сказать? С кем посоветоваться?..

И тут сама собой пришла мысль – Илья Андреевич! Положинцев! Человек, который, как и сам Федя, любит «Кракена». Кто не пожалел изрядной суммы на подарок обычному кадету, каких в его классах большинство.

Если кто и поймёт, так это он. «Кракен» тому порукой.

Не в силах больше сидеть на месте, Федя решительно взял книжку – нужен же повод! – и недолго думая помчался к преподавательской части.

Илья Андреевич занимал казённую квартиру прямо здесь, в корпусе, в крайнем крыле. Стоявший на входе в длинный коридор дядька сурово осведомился у Фёдора, куда, мол, – но, услыхав, что к господину Положинцеву, усмехнулся одобрительно и пропустил.

– Правильный он, Илья Андреевич, – услыхал Федя брошенное вслед.

…Вот и дверь, вот и начищенная стараниями проштрафившихся кадет бронзовая табличка с именем, чином и должностью. Фёдор перевёл дух. Сердце колотилось, ладонь вспотела, и он поспешно сунул книгу под мышку.

Нажал кнопку электрического звонка – какой же ещё может быть у преподавателя физики?

– Кадет Солонов? – Илья Андреевич вышел в просторном шлафроке. Удивился, даже головой потряс. – Что же привело вас ко мне, мой юный друг? Боже, боже, уж не взбрело ли вам в голову вернуть мой подарок?

– Я… нет, не вернуть… я… поговорить… – кое-как выдавил Фёдор. – Поговорить, Илья Андреевич…

– Тогда заходите. – Илья Андреевич враз посерьёзнел. – Заходите, Фёдор, и поговорим.

Разумеется, тут царили книги. Пете б наверняка понравилось, подумал Фёдор, глядя на заставленные сверху донизу шкафы. По стенам висели картины – гравюры с боевыми кораблями русского флота.

Половину кабинета занимал огромный письменный стол, но, в отличие от аккуратнейшего Пети Ниткина, его кумир подобной добродетелью не отличался. Хаос тут царил поистине первозданный, посреди коего возвышалась, однако, пишущая машинка; весь угол между окнами занимал верстак с приборами и инструментами, каких Федя никогда не видел. По стенам тянулись витые жгуты проводов, как и дома у Солоновых; однако тут на стенах кроме привычных выключателей виднелись и круглые розетки, какие встречались Фёдору раньше только в физических лабораториях.

– Что там? А, это – это называется «паяльник». Американский, но с моими усовершенствованиями. А это – радиоаппарат. Не такой мощный, как в физическом кабинете, но тоже ничего. А на стенах – да-да, розетки. Их ещё называют штепселями. Очень удобно подключать различные электроприборы. Но, думаю, Фёдор, вы пришли сюда не за этим. Я вас слушаю.

…И Фёдор Солонов, сбиваясь и запинаясь, принялся рассказывать. Было ужасно страшно – а вдруг милейший Илья Андреевич вскочит, да и начнёт телефонировать жандармам?

Но Илья Андреевич не вскочил и конечно же не стал никуда телефонировать. Слушал Федю, не перебивая и даже как-то странно пригорюнившись.

– Понимаю, – вздохнул учитель, едва Фёдор закончил. – Сейчас чай поставлю. Нет, у меня не самовар – чайник на электричестве.

В другое время Федя бы уставился на этакую диковинку, но сейчас почти внимания не обратил.

– Значит, вы стали невольным свидетелем собрания инсургентов, где замешана ваша собственная сестра. Понимаю муки вашего выбора, Фёдор. Но повторите мне ещё раз, в чём была суть их спора? Правильно я понял, что это не бомбисты, это иные?

Федя кивнул.

– Эсдеки, не иначе… – непонятно пробормотал Илья Андреевич. – Бронштейн и Старик, хм, хм… – Он побарабанил пальцами по столу. – Отказ от террористической деятельности и осуждение эсеров… Хм, хм, интересно… Впрочем, – Положинцев взглянул на замершего Федю, – вас, кадет, это не слишком касается. Что же до вашего выбора – очень хорошо вас понимаю. Не сказать нельзя – всякий верноподданный государя обязан доложить о подобном. Но и сказать тоже нельзя – при, гм, известной ловкости наших доблестных жандармов получится такой карамболь, что хоть святых выноси. Семья ваша, Фёдор, увы, будет разрушена навсегда. Полковник Солонов не простит подобного старшей дочери. Впрочем, это вы знаете и так, иначе не пришли бы ко мне… – Илья Андреевич вздохнул. – Однако, как мне представляется, выход есть. Во-первых, – он принялся загибать пальцы, – вы, как истинный кадет-александровец, явились и доложили по команде. То есть совесть ваша чиста. Во-вторых, подумайте вот о чём, Фёдор: какая польза в том, чтоб устроить сейчас такую драму и скандал в вашем семействе?

Фёдор потряс головой, ничего не понимая.

– Вспомните «Кракена», – улыбнулся учитель. – В самой первой книге. Пробравшиеся в среду пиратов агенты английского короля замыслили убить или пленить всех капитанов Вольной эскадры. Что сделал наш трёхпалый герой? Он ведь не стал пытаться схватить их или как-то разогнать. А вместо этого…

– Стал следить за ними, – выдавил Федя.

– Именно, дорогой! Именно! И, сказать по чести, я считаю: нам следует поступить точно так же.

– Как же?

– Никому ничего не говорим. Сердце ваших родителей будет разбито, а сестра ваша, Федя, слава богу, никого не убила и не сотворила ничего особенно противозаконного. В молодости очень хочется «всё изменить»; потом это желание проходит. Вера очень увлечена этим Валерианом; что ж, это во многом её извиняет. Но! – Илья Андреевич поднял палец. – Мы, конечно, не оставим этих «стариков» с броншейнами просто так. Что вы скажете, Фёдор, если мы станем присматривать в оба глаза за этими субчиками? Они, похоже, решили, что нашли идеальное прикрытие – ну кто станет искать их прямо здесь, в Гатчино?

– Но… – пробормотал сбитый с толку Федя. – Но как же я смогу? Они ведь и собрались-то у нас, потому что вечеринка… все ушли…

– Прекрасно, дорогой мой кадет Солонов! – обрадовался Илья Андреевич. – Вы думаете, размышляете, конструктивно критикуете – прекрасно! Вижу, что в вас я не ошибся. Будем следить за мосье Валерианом. Будем приглядывать за мадемуазель Верой. Ну и, коль уж тут появились Старик со своим заклятым другом Львом, буду приглядывать и я. Почаще бывайте дома, Фёдор. Побольше говорите с сестрой. Помните, что нам надо её излечить от опасных иллюзий, а не столкнуть в жуткую яму. От иллюзий, что достаточно убить нескольких плохих людей, и жизнь волшебным образом изменится. Или не убить, но прогнать.

– А разве… плохих… не надо прогнать? – осторожно спросил Фёдор.

– Конечно, надо. Когда справедливый суд с обвинением и защитой выслушал доводы сторон и рассмотрел доказательства. Это, дорогой Федя, совсем негероично, скучно. Но, как показала история, единственный по-настоящему работающий метод, если вы хотите что-то улучшить. Это как со знаниями – вот, скажем, хотите вы знать хорошо физику. Или любое иное дело. Хорошо боксировать, или стрелять, или ездить верхом, или водить автомотор, или управлять аэропланом. Каков единственный путь добиться этого? Скучный, да, – но единственный? Увы, увы, дорогой, только учиться. Понимаю, для мальчишки это звучит совсем невпечатляюще. – Положинцев улыбнулся. – Но иного человечество так и не изобрело. Ну как, согласны, кадет?

– А если они подвзорвут кого? – проговорил Федя. – Ну, как семёновцев? Что тогда, Илья Андреевич?

– Если я правильно вас понял, дорогой, этот самый Старик, имеющий у них какой-то авторитет, решил отказаться от тактики террора – во всяком случае, на ближайшее будущее. Но потому мы и станем за ними следить. Надо выявить все их связи, знакомства, конспиративные квартиры, источники денег. Это, поверьте, куда важнее, чем засадить несколько человек в каталажку, откуда они вскоре выйдут, поскольку серьёзных преступлений за ними доказать не удастся. И всё, уйдут на дно, скроются. Так что, Федя, я бы предложил проследить за ними. Я договорюсь с господином подполковником. Уверен, Константин Сергеевич окажет вам всяческое содействие. Сколько вам сестра предложила за неприход в отпуск? Два рубля? Ну, посмотрим, как дальше дело пойдёт. Ступайте теперь, дорогой. Ступайте, а я подумаю, не может ли физика помочь нам и здесь…

– Илья Андреевич! – вдруг решился Фёдор. – А вот когда мы после взрыва сентябрьского местность осматривали – помните? Вы тогда ещё прибор привозили, электричеством ходы искали! Так и не нашли ничего?

– О! Хорошо, что вы не забыли, кадет. На самом деле нашёл. Подземных ходов тут немало. Иные – так и вовсе забыты. Я вот подал Министерству двора всеподданнейший доклад о некоей не отмеченной на планах галерее, каковая, я подозреваю, идёт от Приоратского дворца куда-то на восток, за деревню Малая Загвоздка.

Федя сам потом не мог понять, как же у него это вырвалось:

– Илья Андреевич! А под корпусом тоже есть что-нибудь?

– Под корпусом? – сощурился тот. – Нет, конечно. А почему вы решили, что есть, кадет?

Федя мгновенно взмок.

– Да если их здесь много, ходов подземных… – пробормотал он, в ярости на себя, что так глупо проговорился. – Вдруг и тут есть?

– Едва ли, – пожал плечами учитель. – Когда корпус строили, их бы наверняка нашли. И засыпали бы. Не об этом думайте, Феденька! А о том, как вашу сестру выручать будем. Ну да и я тоже обмозгую; давайте так – в следующую пятницу вы ко мне придёте. И обсудим. Надеюсь, я к тому времени что-то выяснить сумею.

* * *

Фёдор вернулся изрядно успокоенным. Слава богу, Положинцев на его оговорку про подземные ходы внимания не обратил. И выход предложил хороший, верный – на самом деле, что бы папа сделал с Веркой, узнай он? И что с мамой бы случилось? Нет, это верно, это правильно – проследить за этими, как их, эсдеками. Вот только как? Неужто Вера и в самом деле станет, что ни суббота, «вечеринку» устраивать? Да ещё чтобы мама с Надей и нянюшкой куда-то убрались бы? Не-эт, наверняка у них и ещё какие-то логова должны быть. Как сказал Илья Андреевич, «конспиративные квартиры».

Это казалось куда интереснее, чем Бобровский и его поиск бомбистов в потерне. И куда более важно, во всяком случае, для Фёдора.

Короче говоря, обратно в роту кадет Солонов шагал в куда лучшем расположении духа.

Офицеров-воспитателей по-прежнему нигде не видно, одна только Ирина Ивановна Шульц по-прежнему опекала немногих оставшихся в корпусе кадет седьмой роты, однако и она, похоже, была не в своей тарелке – постоянно замирала, словно к чему-то прислушивалась.

А потом Федя, проходя балконом главного вестибюля, заметил, как к выходу рысью промчались трое фельдфебелей – с цепями, замками и даже толстым сосновым брусом. С сосредоточенными и мрачными лицами промаршировала дюжина кадет выпускного возраста, из первой роты. Что-то всё это сильно напоминало происходившее после сентябрьских взрывов на вокзале.

Фёдор невольно так и замер на месте. В корпусе было тихо, неестественно тихо, он почти весь опустел. За окнами сеял декабрьский снежок, уже совсем скоро рождественский бал, на который они отправятся с Лизой, и всё вроде б

выходило хорошо, но что-то и нехорошо.

И Фёдор никак не мог понять, что же именно.

Потащился дальше, в библиотеку. Однако, стоило за спиной его закрыться высоченным резным дверям с поддерживающими герб корпуса медведями, как к нему почти что бросился Пантелеймон Пантелеймонович, библиотекарь:

– Господин кадет! Да-да, вы! Седьмая рота, так? Шагом марш в расположение! Быстро-быстро!

Ничего не поделаешь. Пришлось «быстро-быстро» отправляться «в расположение».

Госпожа Шульц уже ждала их. Из шести десятков кадет седьмой роты в наличии оказалось всего десять, и потому Ирина Ивановна даже не стала никого выстраивать.

– Господа кадеты. Как и в сентябре, наш корпус объявляется на военном положении. Прямо сейчас, пока мы тут говорим, от Гатчино-Варшавской к императорскому дворцу начинает движение огромная манифестация… всяческих обывателей, рабочих и иных, прибывших из столицы, равно как и из окрестных мест. Они собирались со вчерашнего дня, многие остановились в близлежащих деревнях… Памятуя сентябрьские события, были приняты соответствующие меры. Государь велел не препятствовать мирному шествию. Он намерен принять депутацию и выслушать их. Офицеры корпуса в большинстве своём убыли в гатчинский гарнизон. Старшие возрасты вооружаются. Особые меры принимаются, чтобы обеспечить безопасность тех кадет, кто сейчас возвращается из отпуска. Седьмая рота должна оставаться здесь, но и, – Ирина Ивановна подняла палец, – пребывать в резерве старшего воинского начальника в полной готовности выступить для подачи помощи там, где она потребуется. Всё ясно?

Кадеты ответили «так точно!» с должной лихостью, после чего попытались было рассыпаться по корпусу в надежде что-то увидеть из окон, однако не преуспели – как и в сентябре, Ирина Ивановна Шульц железной рукой подавила всяческое вольнодумство.

Сама она тоже волновалась, хотя и изо всех сил пыталась скрыть.

Какое-то время всё оставалось тихо. Ирина Ивановна даже рукой махнула – мол, занимайтесь, господа кадеты, чем хотите, – когда стены корпуса содрогнулись от близкого взрыва.

И сразу же часто-часто захлопали совсем рядом выстрелы, нестройные, но во множестве. И было их куда больше, чем во время сентябрьских беспорядков. А ещё после сквозь толстые стены корпуса пробился многоголосый человеческий вопль, перекрывший даже частую стрельбу.

Началось. Буднично, внезапно, безо всяких грозных предзнаменований. Словно совсем рядом заворочался спавший исполин – Гулливер среди лилипутов, – играючи ломая и опрокидывая то, что казалось крепче гранита.

Кадеты высыпали из комнат, сбившись вокруг Ирины Ивановны, которая сидела донельзя бледная, зачем-то сунув правую руку в ридикюль.

Ещё один взрыв, теперь уже совсем рядом. Правда, стёкла выдержали. Третий. Четвёртый.

– Гранаты… – бескровными губами прошептала госпожа Шульц.

Вновь крики. Отчаянные, полные ужаса – так закричала как-то кошка Муся, ещё в Елисаветинске, когда её загнала в угол стая бродячих псов. На счастье, Федя Солонов тогда случился рядом, и в руках его оказалась увесистая сучковатая палка, после чего стая с позором ретировалась, а несчастная кошка была спасена.

А сейчас, казалось, кричали сотни, если не тысячи человек.

Выстрелы слились в сплошной треск, словно там, рядом с корпусом, шёл жестокий бой, словно целая японская дивизия оказалась здесь, неведомыми силами перенесённая из Маньчжурии.

– Ирина Ивановна! Что ж такое? – не выдержал Севка Воротников.

Та не успела ответить. Грянуло вновь, и за окнами заплясали алые сполохи, где-то поблизости начинался пожар.

– Что это? – беспомощно повторил Севка.

Голова госпожи Шульц поникла.

– Мятеж, мальчики… – как-то совсем по-домашнему выдохнула она. – Это мятеж. Попытка. Революция…

– Мы умеем стрелять. – Федя сжал кулаки. – Мы можем…

– Оставаться здесь! – прикрикнула Ирина Ивановна. – Это самое большее, что можно сделать. Это…

Двери ротного зала распахнулись, ввалилась нестройная толпа кадет седьмой роты, безо всяких церемоний загоняемая парой дядек-фельдфебелей.

– Петька! – Фёдор вскочил, завидев друга.

Да, каким-то образом тут оказалось множество успевших вернуться из увольнительных. Глаза у всех очумелые, все взъерошены, растрёпаны, у Льва Бобровского почти оторван рукав шинели.

– Вот, Ирина Иванна! – безо всяких церемоний крикнул один из дядек. – Прорвались мальчишки, значит!

– Откуда прорвались? Что там происходит, Фаддей Лукич?

– Леворюция, барышня! Чистой воды леворюция! – откликнулся старый солдат. И, махнув рукой, затопал вниз по лестнице.

– Революция… – побледнев, повторила Ирина Ивановна. И, словно разозлившись сама на себя, встряхнулась, пристукнула кулачком по спинке кресла.

– Новоприбывшие господа кадеты! Становись! Равняйсь! Смирно!

Хоть и в шоке, но господа кадеты приказ выполнили.

– Та-ак! Кадет Ниткин! Выйти из строя!

Петя повиновался, и у него даже получилось это несколько лучше, чем у мешка с картошкой.

– Кадет Ниткин. Доложите мне – и всем остальным – обо всём, чему стали свидетелем.

Петя судорожно кивнул. И принялся рассказывать.

…Оказывается, часть поездов до Гатчино отменили, и немало кадет, проводивших увольнительную в столице, возвращались в одно и то же время.

…Ещё с утра воскресенья в столице сделалось неспокойно. В неурочное время и безо всякого порядка раздавались заводские гудки. Петиному опекуну, генерал-лейтенанту Сергею Владимировичу Ковалевскому протелефонировали, что одновременно началась забастовка на многих заводах столицы, за исключением нескольких главнейших, где не так давно были повышены расценки. Генерал сообщил семейству, что Пете надо немедля вернуться в корпус, довёз на автомоторе до вокзала и посадил на поезд. По пути, особенно в рабочих кварталах вдоль Обводного канала, внимательный Петя замечал немалое брожение – на улицу высыпало множество народа. Иные валили фонарные столбы и выворачивали камни из мостовой.

Однако на самом вокзале всё оставалось более или менее спокойно, полиция наблюдала за порядком. Поезд долго не подавали; Петя заметил других кадет-александровцев, а потом его окликнул Лев Бобровский. Чуть позже появился и Костя Нифонтов. В общем, только из седьмой роты в поезде набралось их два десятка. Остальные уехавшие в столицу, очевидно, собирались возвращаться позже.

Поезд шёл медленно. Проводник сообщил, что, дескать, «депутации к государю следуют, состав за составом, оттого и задержки!».

И тем не менее на перрон гатчинского вокзала они выбрались, ещё ни о чём не подозревая.

…Привокзальная же площадь оказалась забита народом. Люди втягивались в устья Ксенинской и Георгиевской улиц, разворачивали транспаранты и трёхцветные флаги – бело-сине-красные гражданские, а не соболино-золото-серебристые имперские. Полиции видно не было, но, казалось, всё пройдёт мирно. Петя услыхал, что, дескать, «народ царю петицию несёт». Кадеты – и седьмой роты, и других, случившиеся в том же поезде, – сбились вместе, и старший среди них, кадет-вице-фельдфебель первой роты, приказал построиться, двинувшись к корпусу походным порядком, но не напрямик, а сперва по Ольгинской улице вдоль железнодорожного пути, и потом через Приорат пробраться на Конюшенную, откуда уже и в корпус.

Так и поступили; какое-то время казалось, что всё пройдёт благополучно, поскольку толпы народа следовали в ином направлении, ко дворцу; кадеты же от него удалялись.

Им удалось пробраться в Приорат, перемахнув для этого ограду; тут Петя потупился, сообразив, что, наверное, для кадета лазать через забор в императорский парк не слишком-то хорошо, но Ирина Ивановна только рукой махнула.

– Парки для людей, а не люди для парков. Уверена, государь вас простит, да, собственно, он и за проступок это не сочтёт при таких-то обстоятельствах!..

Приободрившись, Петя поведал, что, благополучно миновав пустой заснеженный парк, их отряд оказался на границе Александровской слободы – рабочего района вдоль железной дороги.

– И вы туда полезли?

– Так точно! – вылез Бобровский, явно ревновавший Петю к свалившейся на него чести. – Кратчайшим путём, госпожа преподаватель!

– Можно Ирина Ивановна, – вздохнула госпожа Шульц. – И, как я понимаю, хорошо, что дело кончилось только полуоторванным рукавом, так, Лев?

– Они первые начали! – разом выпалили сразу несколько кадет.

– Не сомневаюсь. Их было много?

…Их было много, и в кадет полетели отнюдь не снежки, а булыжники, бутылки и прочее. Хорошо, что старший кадет не растерялся, не позволил мальчишкам рассыпаться, влезть в драку; собрав александровцев, он бегом повёл их на прорыв. Пострадала только шинель Льва Бобровского, на котором повисли двое.

– Но я им дал! Дал! – завопил Лев, не выдержав.

– Дал, дал, – согласился справедливый Петя. – В общем, на этом-то и всё, Ирина Ивановна…

– Как это всё! Как это всё! – возмутились остальные. – Ты чего, Нитка?!

– Ну хорошо, хорошо. Как мы сквозь слободу проскочили, так стрельба и началась.

Госпожа Шульц на миг зажмурилась, выдохнула и вновь открыла глаза.

– Как это произошло, Петя?

Но тут уже все новоприбывшие загомонили разом.

Выходило, что палить начали сразу и чуть ли не со всех сторон. Потоки людей двигались по проспекту Павла Первого, мимо Коннетабля, сворачивая затем направо, к дворцу. И там что-то случилось, неведомо что, но стрельба вспыхнула моментально и во множестве мест.

– Во множестве мест… – мертвенно повторила Ирина Ивановна.

И точно – винтовочная перестрелка слышалась теперь со всех сторон. Палили и в Александровской слободе, и к северу, возле Мариенбурга. Палили и совсем рядом, у вокзала, что так и не успели восстановить.

А потом выстрелы стали приближаться. И рёв толпы. Федя вдруг очень чётко представил, как по их Корпусной улице катится сплошной живой вал, весь ощетинившийся штыками, сверкающий злыми вспышками выстрелов…

Зачем они сюда? Что им тут делать?!

– Господа кадеты, – Ирина Ивановна поднялась, – прошу всех надеть тёплую одежду, как для похода. Спускаемся вниз.

Притихшая и замолкшая седьмая рота повиновалась.

– Петь, Петь, а что же там?..

– Стреляют они там, – выдохнул Ниткин, вновь влезая в шинель. – Не пойму, откуда оружия столько?.. Ой!..

Со звоном треснуло, покрывшись паутиной трещин, пробитое пулей оконное стекло. Петя застыл, остолбенев и глядя на округлую дырку посреди панели. Федя пихнул друга в спину, затолкав под кровать, и вовремя, потому что тотчас стекло оказалось пробито ещё одной пулей.

– Выходи! Выходи! – Дверь распахнулась, Ирина Ивановна на миг мелькнула в проёме.

Седьмая рота – все, кто добрался до корпуса, – столпилась вокруг госпожи Шульц.

– Спускаемся вниз. – Она была бледна, но голос оставался твёрд. – Вниз, в подвал корпуса.

– Мы умеем стрелять! – возмутился Севка Воротников.

– Тихо! Стрелять, господа кадеты, в корпусе есть кому.

И точно. Ирина Ивановна не успела договорить, а выстрелы затрещали часто-часто и совсем близко.

Дверь ротного зала распахнулась, влетел, едва не растянувшись на пороге, не кто иной, как сам Илья Андреевич Положинцев.

– Госпожа Шульц! Ирина Ивановна!.. Толпа штурмует корпус! Константин Сергеевич велели передать, чтобы вы уводили мальчишек!

– Где сам подполковник?

– Где ж ему быть, – скривился Илья Андреевич. – У ворот… а может, уже и в вестибюле. Уходите, Ирина Ивановна! Немедля! Сюда, по главной лестнице! Где ваше пальто?

– Здесь. Я готова.

Госпожа Шульц и в самом деле подхватила одежду и шапочку, махнула седьмой роте:

– За мной!

Они бежали по широким пологим ступеням, мимо вазонов с пальмами и портретов отличившихся выпускников, всё ниже и ниже, а выстрелы гремели всё ближе и всё чаще. Илья Андреевич замыкал шествие, однако он почему-то одеваться не спешил.

Протопали все марши, оказались на первом этаже. Ирина Ивановна с Положинцевым осторожно выглянули…

Взрыв грянул прямо у дверей главного вестибюля. Высоченные резные створки сорвало с петель, всклубились дым и снег, над самым ухом грянули выстрелы.

– Вниз! – Илья Андреевич с неожиданной ловкостью извлёк из-под полы чудовищных размеров маузер. – Вниз, скорее, уходите, да уходите же! Я их задержу!..

– Илья Андреевич!..

– Ира, уходи немедля!.. – сорвался Положинцев, забыв даже о вежливости.

В разбитые двери корпуса, пятясь, отступали его защитники – сколько-то старших кадет с карабинами, офицеры-воспитатели. Сверху по главной лестнице затопало сразу много сапог, лязгнуло железо, Федя услыхал брошенное второпях: «Расчёт! С пулемётом сюда!..»

Ему показалось, что это был голос Двух Мишеней.

В следующий миг его почти оглушила длинная очередь.

– Вниз! Да вниз же! – Илья Андреевич весьма неделикатно сгрёб Ирину Ивановну в охапку, с неожиданной силой толкнув к лестничному спуску. – Вниз, в подвал, и налево! Сразу налево! Первый поворот!

– А вы?! Вы, Илья Андреевич?

– Сказал же, я их задержу! Быстрее, да быстрее же!

На миг умолкнув, в главном вестибюле вновь ударил пулемёт, взорвалась граната.

– Седьмая рота, за мной! – звонко скомандовала Ирина Ивановна.

В подвале горел свет, и выстрелы над головами грохотали уже куда тише. Только тут Федя понял, что они с Петей Ниткиным всё это время держались за руки.

Кадеты кубарем скатились вниз по ступеням.

– Давайте, давайте, влево первый поворот! – торопил их Положинцев. – Скорее, да скорее же!

Взрыв. Взрыв. Взрыв наверху, и вопли людей, полные ярости и боли. Пулемёт повёл очередь и захлебнулся. Грохот боя тотчас надвинулся.

– Сюда! Скорее!

Кадеты припустили, Ирина Ивановна – замыкающей. Положинцев куда-то исчез, словно испарился.

– Куда дальше? Дальше куда? – Оказавшийся впереди Севка Воротников метнулся туда-сюда.

Над головами часто-часто гремели выстрелы, надсаживаясь, орали люди. Кто-то – непонятно кто – прорвался в корпус; потянуло дымом.

– Бегом! – Ирина Ивановна рванула свой ридикюль; в руке её оказался плоский дамский браунинг.

Что-то взорвалось совсем близко, за спинами. Со звоном лопались лампочки, свет почти погас.

– Ирина Ивановна! – Федя бросился назад, к наставнице. Вместе с ним – Петя Ниткин и почему-то Костька Нифонтов.

Наверху палили, палили и палили, где-то рядом топали тяжеленные сапожищи.

– Седьмая рота! За мной! Сюда! И бегом по коридору! – вдруг грянул отлично знакомый голос.

Две Мишени. А за ним – капитан Ромашкевич.

Так, наверное, спускаются ангелы.

– Константин Сергеич! – завопили кадеты. – Александр Дмитриевич!

– Тихо! Тихо, господа! Что я сказал – бегом марш! Капитан Ромашкевич, головным! Выводите ребят!

– Всё понял, выведу! – Ромашкевич бросился к голове роты. – За мной, кадеты, за мной!..

– Ирина Ивановна! – Две Мишени, однако, кинулся в противоположном направлении. – Ирина Ивановна, вы целы?

– Цела, цела, – несколько сварливо бросила госпожа Шульц, изрядно удивив этим Фёдора – она словно и не рада, что Две Мишени вернулся!.. – А вы, господин подполковник?

– Цел, цел, – в тон ей отмахнулся тот. – Что со мной будет!

– Что там творится?

– Потом все расспросы, Ирина Ива…

Выстрелы грянули над самой головой. По узким ступеням, по той самой чёрной лестнице вниз скатилось человеческое тело, нелепо колотясь о камень.

– Сюды! – заорал кто-то наверху. – Сюды давай!

Ирина Ивановна и Две Мишени разом вскинули руки одинаковым жестом. Два браунинга ответили огнём, и сверху донеслась чёрная подсердечная брань.

– Фимку! Фимку убили! – истерично взвизгнул женский голос. Что-то пролетело в воздухе, ударилось о стену; Две Мишени резко пнул это что-то, отшиб далеко в сторону, а затем, широко расставив руки, почти что рухнул на кадет и госпожу Шульц, прикрывая их собой и разом заталкивая за угол.

Взрыв – у Феди в голове зазвенело, мир закружился; сверху уже топали ноги, грянул винтовочный выстрел, за ним ещё.

– Дьявол! Сколько ж у них гра…

Взрыв.

– Тут нельзя оставаться! Прорываемся! К мальчишкам!

Но сверху уже валом валили люди с винтовками, в чёрных пальто и бушлатах, вроде как флотских, без знаков различия; выстрелы загремели и в дальнем конце подвала, туда тоже ворвались нападавшие.

И тут Федю осенило.

– Сюда! Скорее!

Господи, помоги, взмолился он. Помоги отыскать правильную дверь!..

Стоп, да вот же она. В узкой нише, почти скрытая за стояками труб. И – незапертая.

– Что это, кадет?!

– Вниз! Вниз! – только и мог выдавить Федя.

Ирина Ивановна опомнилась первой. Решительно распахнула дверь, шагнула внутрь.

– Константин Сергеевич!.. Да помогите же мне, мальчики!

Они почти втащили подполковника внутрь. Закрыли дверь. Подперли старым ржавым ломом.

Здесь, однако, их встретила кромешная тьма.

– Что это? – услыхал Фёдор шёпот госпожи Шульц.

– Старый подвал, самый старый, – так же шёпотом отозвался Две Мишени. – Надо же. Думал, его наглухо заколотили давным-давно…

– Надо спускаться, – вдруг сказал Петя Ниткин. Сказал очень спокойно и очень рассудительно. – Иначе нас…

– А ты откуда знаешь? – прошипел молчавший до этого Костик Нифонтов.

– Знаю, – с прежним спокойствием сказал Петя.

– Света нет. – Две Мишени принялся рыться в карманах. – Сейчас, у меня были спички…

– Там, внизу, мешок с припасами. Там и фонарь, и свечки.

– Кадет Ниткин! – ахнула было Ирина Ивановна, однако подполковник быстро приложил палец к губам – голоса раздавались совсем быстро. Грохнул выстрел – похоже, палили просто так, во все стороны.

Вспыхнул фонарик. Две Мишени зажёг свечу, вручил её Косте Нифонтову.

– Потом станем разбираться, Ирина Ивановна, – сказал примирительно. – Не прожигайте, прошу вас, кадета Ниткина взглядом. Напротив, кадету Ниткину стоит вынести благодарность – за сделанное признание. Нам этот припас очень поможет…

Они медленно и осторожно двинулись прочь от ведущих наверх ступеней.

– Всё будет хорошо, – шепнул Две Мишени. – Верные войска должны вот-вот подойти. Капитан Ромашкевич выведет седьмую роту. Всё будет хо…

Бабахнуло; потерна наполнилась дымом.

– Дверь взорвали, – Ирина Ивановна развернулась, поднимая браунинг.

– Смотрите! – вдруг дернул её за рукав Костя Нифонтов.

Из-под двери в боковой стене потерны пробивался слабый свет. Две Мишени, ничтоже сумняшеся, рванул створку.

Потрескивая и стреляя искрами, здесь высилась невиданная электрическая машина. Опутанная кабелями, усеянная, словно глазами, желтоватыми стёклами

циферблатов.

Она работала. Неведомо как и занятая неведомо чем.

По коридору топали многочисленные сапожищи, кто-то орал, вопил, толпа приближалась.

Две Мишени пожал плечами, тщательно осмотрел браунинг.

– Ирина Ивановна…

– Понимаю, – кивнула госпожа Шульц. – Надо прикрыть детей. Может, они успеют. Но… Константин Сергеевич, дорогой. У меня к вам просьба. Я… я не должна попасть к ним в руки. Не должна попасть живой. Вы понимаете меня?

Подполковник на мгновение закрыл глаза. Вновь открыл и резко, отрывисто кивнул.

– Обещаю вам это, Ирина Ивановна. Слово офицера.

– Тогда… – начала госпожа Шульц, и тут за дверью заголосили:

– Заперлись! Изнутри! Есть там кто-то! Точно, есть! Ерохин, давай лом! Петюнин, топор!.. А ну открывай, твари! Открывай, хуже будет!..

– Попили нашей кровушки!.. – взвыл женский голос.

Ирина Ивановна склонилась к Фёдору, Пете и Косте.

– Сейчас они начнут ломать дверь, – сказала она очень спокойно. – Мы её откроем. И… будем стрелять с Константином Сергеевичем, покуда хватит патронов. А вы – бегите. Как можно быстрее. Постарайтесь выбраться из корпуса. Прячьтесь. И… храни вас Бог. – Она быстро перекрестила каждого.

Феде Солонову не было страшно. Только зубы мелко стучали, и он никак не мог понять отчего.

– Давайте все сюда, – скомандовал было Две Мишени, но тут вдруг дверь застонала как-то совсем жалобно, задёргалась, забилась под ударами; а в следующий миг странная электрическая машина за спинами кадет и подполковника с госпожой Шульц затрещала, зажужжала особенно громко – и вдруг всё окуталось темнотой, сплошной, непроницаемой; едва слышны стали крики, грохот и треск за дверями.

Ноги у Фёдора словно приросли к полу. Дыхание пресеклось, и вот тут ему стало страшно по-настоящему.

Машина шипела всё громче, неведомая сила точно вдавливала их в каменные плиты; а снаружи раздались выстрелы, длинная очередь, словно там заработал настоящий пулемёт. Крики, проклятия – вновь очередь, ещё одна, потом ещё – пулемёт резал в упор.

И вдруг всё стихло.

– О Пресвятая Госпоже Владычице Богородице! Вышши еси всех Ангел и Архангел и всея твари честнейши, помощница еси обидимых… – шептал рядом трясущийся Петя Ниткин.

Всё стихло, двери вдруг распахнулись, ударил сквозь тьму свет сильного фонаря; но разглядеть силуэт возникшего на пороге человека они так и не смогли. И сдвинуться с места тоже. Тьма держала их, не отпускала, тянула куда-то, в бездонную воронку, кружила, вырывая из времени и мира; у Фёдора всё помутилось в глазах.

Человек с фонарем что-то крикнул, что именно – разобрать было нельзя. Кинулся к ним, но тут тьма сделалась совершенно чернильной, что-то сильно ударило Фёдора в темя.

Полыхнул ослепительно-белый разряд, словно во мрак подвала ворвалась небесная молния, так, что Фёдор на миг ослеп; а когда вновь открыл глаза, вокруг было очень-очень тихо. И темно тоже было, но это была уже совсем другая темнота, привычная. Где-то рядом капала вода. Пахло кошками и сыростью.

В узкое оконце пробивался слабый свет. А за спинами…

За спинами не было никакой машины.

И впереди ничего не было. Вернее, ничего знакомого.

Глава X

6 (19) мая 1972 года, Ленинград

– Все целы? – Константин Сергеевич недоумённо переводил взгляд с госпожи Шульц на троицу кадет и обратно. – Господи, что это было? И… где мы?

– У-у м-меня ф-фонарь есть, – выдавил Петя Ниткин.

Зажгли. Луч заметался по серым бетонным стенам, вдоль которых тянулись трубы. Под ногами хлюпало, кое-где брошены были полусгнившие доски.

– Подвал какой-то…

– Только не наш, Ирина Ивановна. Если только нас всех не поразила одновременная галлюцинация.

Осторожно двинулись вперёд, по прогибающимся доскам.

Совсем близко хлопнула тяжёлая дверь, послышались шаги. Две Мишени и госпожа Шульц разом вскинули пистолеты – совершенно одинаковым движением.

Однако к ним никто не спускался. Напротив, сверху донёсся недовольный визгливый женский голос:

– Эй, Семёныч! Ты чё, с утра уже того, тёпленький? Я тебя куда послала, в восемнадцатую квартиру, а ты чего?

– Да не шуми ты, не шуми, – отозвался мужской голос, слегка запинаясь. – И вообще я… как с-стёклышко… с-стояк перекрывал…

– Как стёклышко он! – продолжала шуметь невидимая тётка. – Перегаром так и несёт!.. Ладно, стояк перекрыл? Вот и давай в восемнадцатую, они уже и в райисполком писали, и в райком…

– Ладно, ладно, иду я, иду… только наряд закроешь, ага? А то устал я что-то…

– Пьянчуга ты, – злобно сказала тётка. – Алкаш. Никакого с тобой сладу. Один сантехник на всю жилконтору – и не просыхает!.. А наряды закрывать требуешь!..

Взрослые переглянулись. Кадеты переглянулись тоже. Никто ничего не понял. Нет, кое-что они, конечно, поняли – главным образом насчёт «стёклышка», перегара и тому подобного. Но что за «райкомы» и «райисполкомы»?

– Да иду я, иду, Марь Петровна, – недовольно бухтел тот самый Семёныч.

– Дверь запереть не забудь!

– Да не забуду, не забуду… замок тут ржавый, намучаешься… а новый у вас не допросишься…

– Вперёд, – одними губами скомандовал Две Мишени. – Не хватало ещё, чтобы нас тут закрыли!..

Они шли на свет и голоса, по импровизированной дорожке из старых, кое-как сбитых вместе досок. Очень скоро они кончились; вверх вели узкие ступени.

– Быстрее!

Обитая железом дверь в подвал и впрямь запиралась на висячий замок. Лестница шла выше – обычная лестница, узкая, без всяких изысков – чёрный ход, скорее всего, какого-то доходного дома. Обычная дверь, серая, вела на улицу.

– Наверх!

Взбежали на один марш.

Внизу, шаркая ногами, появился мужичок в кепке и сером ватнике, в чёрных сапогах, с серой брезентовой сумкой через плечо. Смоля папиросу и что-то бормоча, он довольно долго терзал замок подвальной двери, пока не запер.

Сплюнул и, всё так же шаркая, отправился восвояси.

Хлопнула дверь.

– Где мы, Ирина Ивановна? – жалобно спросил вдруг Костик Нифонтов. – Куда корпус делся?..

– Не знаю, Костя, дорогой. Но постараемся узнать. Ну, Константин Сергеевич!.. Давайте ступим в неведомое!..

– Только браунинг спрячьте, Ирина Ивановна.

Толкнули дверь. Изнутри она была покрашена серой краской и изрядно грязна. И вообще на лестнице воняло – тоже изрядно, видно, дом был из дешёвых.

Две Мишени решительно шагнул через порог, Федя – за ним следом. И невольно зажмурился – от яркого солнца и голубого безоблачного неба. В лица повеяло теплом, весной. Из-под ног взлетел толстый наглый голубь.

Они оказались во дворе-колодце: посредине небольшой скверик с тройкой старых тополей, окружённый низкой зелёной оградкой; желтовато-песочные стены с густой россыпью окон, возле многих – коричневые коробы ледников.

Двор был пуст; по левую руку виднелась арка, за ней – шумела улица. И не просто шумела, шумела совершенно не так, как привык Фёдор и остальные. Низкий басовитый гул, сопровождаемый высоким скрежетом.

– Ничего не понимаю… – Две Мишени снял фуражку, утёр лоб. – Весна. Теплынь. И… эта… жилконтора?..

Федя подумал и стянул шинель, остальные последовали его примеру.

Они топтались на одном месте. Видно было, что взрослые растеряны, и от этого становилось ещё страшнее.

Из подъезда напротив вдруг вылетел мальчишка, наверное, ровесник Фёдора, Пети и Кости. Были на нём короткие синие штаны выше колен да видавшая виды рубаха в клетку с закатанными рукавами. Светлые волосы растрёпаны, а под глазом свежий синяк.

Мальчишка замер на миг, уставившись на незнакомцев со странным восторгом; а потом вдруг сломя голову бросился к ним.

– Здрас-сьте, – выпалил он единым духом. – Идёмте, идёмте скорее, вам нельзя тут, нельзя, пойдёмте…

– Мальчик, – Ирина Ивановна Шульц, похоже, если и растерялась, то куда меньше остальных, – мальчик, что это? Почему нельзя?.. Куда идти?

– К нам, – быстро проговорил тот. – Меня Игорем звать, я… я вас ждал. Дед не верил, не верил, а я сказал – ждать обязательно, я и ждал. В школу не ходил, вроде как болен. Идёмте, идёмте, я сейчас всё объясню!

И потянул их к арке.

– Главное – ничему не удивляйтесь. Просто идите, – торопил Игорь. – Мы вас ждали. Дед, бабушка… все. Сигнал был. Мы знали, что вы придёте… Я тут входы в подвал проверял, бегал, а вы уже сами вышли… Только скорее, тут нельзя долго, нельзя!

– Почему, Игорь? – очень спокойно и очень серьёзно спросила Ирина Ивановна.

– Милицию могут вызвать. – Мальчик кинул быстрый взгляд на тёмные окна, угрюмо уставившиеся на них с высоты. – Или неотложку. В Кащенко отвезут, и всё!..

– Куда отвезут? – не понял Две Мишени.

– В дурдом. Ну, к психам. К ненормальным, – принялся объяснять мальчик Игорь, не переставая тянуть их к арке.

Фёдору пришлось схватить Петю Ниткина за руку, потому что тот с разинутым ртом глазел по сторонам, хотя, на взгляд Фёдора, ничего такого уж необычного во дворе не было. Ну разве что асфальт под ногами. В Гатчино такой имелся только на главных улицах, да и то не на всех.

Но тут они вышли из арки, и…

– Постойте, это ж Кронверкский проспект! – вырвалось у Константина Сергеевича.

– И Народный дом государя Александра Третьего[1 - В нашей реальности – Народный дом императора Николая II. Крупнейшее культурно-просветительское учреждение Российской империи начала XX века, включавшее в себя театрально-концертные залы, помещения для благотворительной и просветительской работы и так далее; при Народном доме был устроен сад с павильонами, обсерваторией и первой в России детской железной дорогой.]! – подхватила Ирина Ивановна.

Они стояли на оживлённом перекрёстке. Вокруг спешили люди – одетые совершенно не так, как ожидал увидеть Фёдор. Нет, не в каких-то фантастических нарядах: на мужчинах простые пиджаки или рубашки, брюки и штиблеты, а вот на женщинах – короткие платья, до колен или даже выше,

особенно на молодых; очень многие простоволосы, хотя те, что постарше, носили платки. А вот шляпки – почти никто!

А ещё по улице ехали автомоторы – не приходилось сомневаться, что это автомоторы, четыре колеса, внутри люди, – но совершенно необычных, обтекаемых форм. По другой стороне проспекта тянулась чёрная железная ограда, за ней поднимались деревья сквера, ещё дальше высилось знакомое Фёдору по открыткам здание Народного дома.

Вдоль улицы сверкали трамвайные рельсы, и по ним как раз катил жёлто-синий вагон – такой же зализанный, округловатый, как и автомоторы на дороге.

– Этого не может быть… – выдохнул Костя Нифонтов.

– Ничему не удивляйтесь, – почти с мольбой выдохнул Игорь. – Ну трамваи, да… ну машины…

– Это не наш мир, – вдруг остановилась Ирина Ивановна. – Это… это…

– Не бойтесь, идёмте же! – продолжал умолять мальчик Игорь. – Скорее, скорее!..

– А куда? И далеко ли?

– Да недалеко совсем!..

– Будущее, – вдруг сказал Петя Ниткин. – Я знаю. Это – будущее.

Все так и замерли.

– Идёмте! – Игорёк чуть не плакал. – Идёмте, пялятся уже на нас!..

На них и впрямь косились. Здесь почти никто не носил бород, словно вновь явился государь Пётр Алексеевич и стал брать за них особую подать. И одежда была у всех какая-то уж очень простая, лёгкая…

– Встали тут, – проворчала какая-то бабка и, шаркая, принялась их обходить.

– Идёмте, мальчики. – Ирина Ивановна схватила Петю и Костьку за руки, Фёдор пошёл сам.

Будущее. Ну да, будущее, что же ещё?

– Вас переодеть бы надо, – в лихорадочном волнении говорил меж тем Игорь, – да негде там было. Вот я деду твердил, что на чердаке сумку держать надо, а он!..

Они шли по проспекту, и Федя чувствовал, как подгибаются коленки. Что с ними случилось? Что с корпусом? Что с родителями, с сёстрами?.. Как они тут оказались, но самое важное – как им вернуться назад?!

Навстречу пробежала стайка ребят и девчонок, ровесников кадет и Игоря – ребята явно в форме, правда, непривычно унылой: серые пиджаки и брюки. «Ни ремня, ни фуражки, шпаки какие-то», – подумалось Фёдору. Девчонки – в коричневых платьях и чёрных передниках, похожих на гимназические, только куда короче. Федя не выдержал – покраснел.

Ирина Ивановна тоже покраснела.

У всех ребят на шее повязаны были красные платки на манер скаутских.

Девчонки дружно вылупились на Ирину Ивановну.

– Ух ты, какое макси… – услыхал Федя шёпот одной.

– А шляпка? Шляпка? Ну точно, это из кино!..

– Скорее! Скорее! – всё тянул и тянул их Игорёк.

Они меж тем дошагали до большого перекрёстка. Над кронами взметнулась игла Петропавловки; по правую руку словно какой-то великан уронил плоский серый блин странного круглого здания, куда постоянно входили и откуда постоянно выходили люди – непонятно было, как они там все помещаются?

Слева поднимался красивый светло-серый дом в пять этажей, перед ним стоял памятник – некий усатый мужик; Феде его облик ни о чём не говорил, а вот Ирина Ивановна вдруг прищурилась:

– Батюшки-светы… да это ж никак господин Горький?

– Горький, Горький, – подтвердил Игорёк. – Писатель такой, знаменитый. Идёмте!

И тащил их дальше.

– Нет, а что, красиво… – негромко сказал Две Мишени. – О, а вот и «Стерегущему» памятник!..

– И соборную мечеть построили, – одобрила и Ирина Ивановна. – А ведь только собирались строить!..

Мимо них катила совершенно небывалая, невиданная жизнь. Нет, нельзя сказать, что всё было тут «дико, странно и непонятно» – ну, автомоторы несколько отличаются, хотя на грузовики взглянешь и сразу поймёшь, что это именно грузовик, а не что-то там иное. Трамваи другие – а рельсы такие же, провода, дуги…

– О, и особняк Кшесинской!.. А дальше всё совсем уже не так… Троице-Петровский собор – где он?

Федя тут раньше не бывал и как оно – не знал. Но взрослые, Петя Ниткин и даже Костька Нифонтов явно понимали, о чём речь.

– Был собор – и нету…

– Ба говорит – много чего теперь нету. – Игорёк перетащил их через улицу. Взметнулся высокий дом с многочисленными полуколоннами, всё того же строгого стиля. Пробежали аркой во двор – хороший двор, зелёный, чистый. Игорёк толкнул дверь – чёрный ход, что ли?..

Но нет, лестница оказалась чистой, куда приятнее той, где они оказались поначалу. Бегущие вверх марши обнимали обрешёченную шахту лифта – очень простого, безо всяких вычурностей.

Двери тут были высокие, филёнчатые, солидные. Правда, без бронзовых табличек с именами жильцов или хозяев.

Наконец Игорёк остановился возле одной. Снял с шеи ключ на верёвочке, отпер.

– Входите, входите же!.. Ба! Деда! Сюда, сюда! Я… я привёл!

Длинный коридор, слева вешалка. Справа – целый ряд дверей. Пахло чем-то жареным.

– Игорёша? – раздалось близкое.

Появилась аккуратная, чистенькая старушка – нет, просто пожилая женщина, стройная не по годам, с аккуратно завитыми и подкрашенными хной волосами, в длинном халате и переднике. Ахнула, увидав гостей.

– Господи боже мой!.. Коля! Коля!!!

Из дальнего конца коридора уже раздавались быстрые шаги, старик – нет, тоже не старик, пожилой мужчина с окладистой бородой, совершенно лысый, в домашнем костюме: мягкая куртка с накладными карманами, подпоясанная витым шнурком.

Что-то было в этом костюме знакомое и привычное, он словно пришёл из Фединых дней…

– Здравствуйте, господа, – выдохнул старик. – Господи, Господи, Мура!.. Случилось!.. Проходите, скорее проходите!.. Игорёк, ты – гений. Посрамил деда, и как же я счастлив!..

– Господа… – выдавил наконец Две Мишени. – Простите… но мы всё равно ничего не понимаем…

– Сейчас. Сейчас, мои дорогие. Я всё объясню.

…В этой квартире Феде казалось, что никакое это не будущее – потому что мебель стояла тяжёлая, резная, отлично ему знакомая: в таком же стиле обставлена была дача «зимогоров» Корабельниковых.

Господи, что же там с Лизой?!

Они все сидели за столом, накрытым белой скатертью; мальчик Игорь забрался с ногами в кожаное кресло.

– Господа, – прокашлялся хозяин, – позвольте представиться. Дед вот этого обнаружившего вас сорванца – Онуфриев Николай Михайлович. Профессор, доктор физмат, то есть физико-математических, наук. Физик-теоретик и…

– И практик. – Бабушка Игоря поставила на середину стола самовар, но не настоящий, а на электричестве, как у Ильи Андреевича Положинцева.

– И моя супруга Мария Владимировна.

Та поклонилась:

– Мария Владимировна, в девичестве – Пелёнкина. Выпускница гимназии княгини Александры Алексеевны Оболенской, тысяча девятьсот семнадцатый год. Последний…

Лицо у неё дрогнуло, и Федя вдруг подумал – что-то очень, очень плохое случилось тогда, в этом их тысяча девятьсот семнадцатом.

Две Мишени кашлянул, выразительно глянув на госпожу Шульц – дескать, как будем представляться?.. Но Ирина Ивановна его опередила:

– Кадеты Александровского корпуса Фёдор Солонов, Пётр Ниткин и Константин Нифонтов. Ваша покорная слуга, преподаватель русской словесности Ирина Ивановна Шульц. И… – теперь уже она взглянула на подполковника.

– И преподаватель военного дела того же корпуса Аристов Константин Сергеевич, – скромно закончил Две Мишени.

– Очень, очень приятно… да что я несу, замечательно! Феноменально! Великолепно! – не смог сдержаться профессор. – Откушайте, что бог послал, и поговорим наконец…

Кадеты дружно протянули чашки к самовару, хозяйка по очереди цедила кипяток.

– Если без предисловий, господа – вы в будущем; впрочем, вы, наверное, уже и сами догадались. У нас сейчас девятнадцатое мая тысяча девятьсот семьдесят второго года. По новому стилю. По-старому – шестое мая.

– Мы в будущем… – Две Мишени откинулся, на миг зажмурил глаза. – Но как?..

– Это очень длинная и довольно печальная история, Константин Сергеевич. Прошу вас и вас, Ирина Ивановна, и вас, дорогие кадеты, послушать со вниманием. Я опущу многие детали, но если в главном, то… Мой отец, Михаил Владимирович, тоже был физиком. Преподавал в Петербургском университете. Он-то и заложил основы нашей теории времени. Теории, ставшей нашим счастьем и проклятием…

– Коля, поменьше красивостей, – строго сказала Мария Владимировна.

– Да, прости, Мурочка, дорогая. – Профессор потёр лоб. – Самое главное – невозможно попасть из будущего в прошлое. Прошлое уже случилось, его изменить нельзя. Невозможно попасть из прошлого в будущее – его ещё нет. Погодите! – Он поднял руку, видя, что Две Мишени уже открыл рот, собираясь не то возражать, не то спорить. – Минутку внимания, сейчас всё станет более или менее ясно. Мой отец исследовал так называемые мировые линии, его интересовали самые глубокие аспекты мироздания. Своё время он опередил очень и очень намного. Однако это всё так бы и осталось умозрительной игрой, если бы он, пытаясь создать теорию, в которой временны?е путешествия,

излюбленный приём современных сказочников, были бы возможны, не создал – больше как игру ума! – иную теорию, теорию временно?й квантованности… простите. Теорию прерывности потока времени. Теорию параллельных потоков, каждый из которых опережает другой на некий временной интервал. Для простоты – на день. Или на два. Для нашего объяснения не важно. Нельзя попасть в прошлое своего потока. Нельзя попасть в будущее своего потока. Но можно попасть в прошлое параллельного потока. Другое дело, что оно, быть может, будет отличаться от твоего. Вот скажите, господа… вы сможете меня проверить. Если изначальные вычисления верны, то вы из своего тысяча девятьсот восьмого года, верно?

– Верно, – кивнул Две Мишени.

Фёдор ощущал, что голова у него вот-вот вскипит безо всякого пламени, словно тот самый электрический самовар. Костя Нифонтов имел вид совершенно обалдевший, и только Петя Ниткин слушал профессора Онуфриева, словно Моисей самого Господа Бога.

– Отец был прав… – прошептал Николай Михайлович и тоже прикрыл на миг глаза. – Так вот. Временные эти потоки разделены определёнными интервалами… точнее, мы можем взаимодействовать с ними, разделёнными этими самыми интервалами. То есть…

– То есть это не наше будущее, – проговорил Петя Ниткин, в упор глядя на профессора. – Наше – совсем иное, верно?

– Какая сообразительность! – восхитился Николай Михайлович. – Да, это не совсем ваше будущее. Ваше ещё не наступило. Однако сходства между потоками куда больше, чем различий. А различия зачастую не оказывают особого влияния, даже если…

– Кто же сейчас на престоле? – вдруг перебила Ирина Ивановна. – Кто правит Россией?

По лицам хозяев пробежала тень.

– Пока оставим это, – мягко сказал профессор. – В нашей истории в 1908 году на престоле пребывал государь Николай Александрович. Николай Второй, сын

императора Александра Третьего. Александр Александрович, увы, безвременно скончался в 1894 году, 1 ноября по старому стилю, в Крыму, в Ливадийском дворце.

– Какой ужас!.. – содрогнулась госпожа Шульц. – Нет, наш государь, дай Бог ему здоровья, правит по-прежнему!.. Наследник цесаревич – да, действительно Николай Александрович, но…

– Вот видите, – остановил её хозяин. – Сразу нашлось отличие. Но при этом вы шли через город, видели его, хоть и немного, – Петропавловка на месте? Киров… то есть Троицкий мост – на месте? Зимний дворец? Ростральные колонны?..

– Их они не видели, деда!

– Значит, ты им их ещё покажешь, внучек. Но я не о том. Инерция обществ оказывается слишком велика. Казалось бы, при таких различиях – два столь разных императора на престоле! – и жизнь должна оказаться совершенно иной. Но… словно Провидение и в самом деле подсказывает нам, куда направить свои стопы и усилия.

– Но, сударь, откуда в подвалах корпуса взялась та самая машина, что перенесла нас сюда?

– Всё по порядку, досточтимая Ирина Ивановна. Сформулировав свою теорию, отец принялся искать способы проверить её экспериментально. Установил связь со знаменитым Николой Теслой, слышали о таком?

Петя Ниткин яростно закивал. Константин Сергеевич и Ирина Ивановна тоже кивнули, хотя и без Петиного энтузиазма.

– Как ни странно, знаменитый инженер ответил малоизвестному физику из далёкой России. Завязалась переписка. Тесла многое подсказал – основываясь на его теории эфира, которая якобы опровергнута современной наукой, отец начал строить прототип аппарата для переноса материальных тел из одного временного потока в другой…

– Коля! – решительно остановила профессора Мария Владимировна. – Прекрати, дорогой. Людям не до твоих теорий. Объясни им всё толком, а не сможешь – я скажу.

– Ах да, да, дорогая. Подвалы корпуса, да… – Николай Михайлович элегантно огладил бороду. – Видите ли, господа… мы добились успеха. После множества лет и попыток мы нашли точку эквилибриума…

– Они нашли место в вашем временном потоке, где только и можно установить парный аппарат, – перебила Мария Владимировна. – И это оказались как раз подземелья Александровского корпуса.

– Дорогая, ну дай уж мне рассказать! – укорил супругу профессор. – Мы поняли, что есть возможность перехода в ваше время. Сперва мы установили одностороннюю связь… смогли наблюдать вашу жизнь. Потом мы попробовали перенос материального объекта. Камень упал в Неву. Другой угодил в речной берег. Мы научились… как бы это сказать…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В нашей реальности – Народный дом императора Николая II. Крупнейшее культурно-просветительское учреждение Российской империи начала XX века, включавшее в себя театрально-концертные залы, помещения для благотворительной и просветительской работы и так далее; при Народном доме был устроен сад с павильонами, обсерваторией и первой в России детской

железной дорогой.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/aleksandrovskie-kadety-tom-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить